

Шэнь Мянью знал, что он снова притворяется невинным, и позволил ему продолжать держать свою руку, сказав:

— Каждый раз, когда у моего отца день рождения, все семь школ и двенадцать пиков Бессмертной секты Великой Тайны приходят поздравить его. По правилам, младшие по статусу не обязаны приносить отдельные подарки, но в этом году все иначе. Раз уж мы поженились, мы должны подготовить отдельный подарок и пойти поздравить.

Цзи Чанли слегка кивнул:

— Старший брат, как всегда, все продумал.

Он сжимал руку Шэнь Мянью, не собираясь отпускать.

Шэнь Мянью спросил:

— Значит, ты согласен?

— Почему бы и нет? Теперь наш учитель — это как бы мой наполовину отец. Как ученик и как сын, это мой долг. Только... — он внезапно изменил тему:

— Только статус старшего брата особенный. Ты не ученик секты, тебе не обязательно участвовать в этой суете.

Шэнь Мянью поспешно сказал:

— Я давно не видел отца и очень по нему скучаю.

Цзи Чанли сказал:

— Если старший брат хочет пойти, пусть подумает, как мне угодить.

Шэнь Мянью, следуя его словам, спросил:

— Что имеет в виду младший брат?

— Мы еще не вступили в супружеские отношения, поэтому это неправильно и неуместно. Но если мы станем настоящими партнерами, старший брат станет моей семьей, и тогда, следуя за мной, это не будет нарушением правил.

Шэнь Мянью, видя его самодовольство, не мог не почувствовать раздражение и захотел вырвать свою руку. Но разве Цзи Чанли отпустил бы его? Он лишь слегка надавил, и Шэнь Мянью упал в воду.

«Бульк!» — Вода брызнула во все стороны. Шэнь Мянью случайно глотнул воды, а затем оказался в объятиях Цзи Чанли, чья широкая ладонь нежно похлопывала его по спине.

Его кожа изначально была белой, а одежда, промокнув, совершенно не скрывала его, обнажая его снежно-белое тело, смутно очерчивая изящный изгиб талии. Две нежно-розовые точки на груди были необычайно яркими, словно ждали, когда их сорвут.

Взгляд Цзи Чанли опустился на округлые и упругие ягодички. Две половинки идеально складывались в идеальный круг. Он не сильно сжал их, и они оказались невероятно мягкими. Его низ живота мгновенно стал пылающим и невыносимым.

Шэнь Мянью, казалось, ничего не заметил. Он поправил рассыпавшиеся по плечам черные волосы и сказал:

— Я потерял шпильку. Младший брат, помоги мне найти.

Цзи Чанли про себя выругался: «Искунитель!», но ответил:

— Жди.

Он лишь на мгновение исследовал пространство своим сознанием, затем протянул руку, и шпилька из белого нефрита оказалась у него в ладони.

Шэнь Мянью поблагодарил и протянул руку, чтобы взять ее, но Цзи Чанли отдернул руку и с двусмысленной усмешкой тихо сказал:

— Старший брат, не торопись. Есть еще один вопрос, который мы не обсудили.

Естественно, он имел в виду супружеские отношения. Шэнь Мянью сглотнул слюну, его взгляд упал на крепкое и стройное тело Цзи Чанли. Он резко закрыл глаза и сделал вид, что холоден:

— Я не хочу идти тебе навстречу.

Цзи Чанли спросил:

— Почему?

Шэнь Мянью ответил:

— Я не могу объяснить. Просто чувствую, что ты не хороший человек.

Цзи Чанли замолчал. Они провели в этой долине уже много времени, не меньше, чем прошло с тех пор, как Шэнь Цзиньюя забрали в Царство демонов. Но этот человек все равно не хотел смотреть на него как следует и не хотел любить его.

Он знал, что в его сердце была пустота, но он не позволял никому туда поселиться.

Но он был Цзи Чанли. То, что он хотел, он обязательно получал. Сердце Шэнь Цзиньюя он хотел, и этого человека он тоже хотел.

Он улыбнулся и сказал:

— Тогда пусть старший брат скажет, какой человек может считаться хорошим? Я никогда не причиню тебе вреда. Разве этого недостаточно? По-моему, хороший человек — это тот, кто хорошо к тебе относится. А каков я по своей природе и как отношусь к другим, какое это имеет отношение к старшему брату?

Шэнь Мянью сказал:

— Ты говоришь ерунду.

Улыбка Цзи Чанли постепенно исчезла. Он поднял подбородок Шэнь Мянью и спросил:

— Старший брат говорит, что я говорю ерунду? Это меня удивляет. Я не буду говорить о других, но к старшему брату я был предельно добр и справедлив. Знаешь ли ты, почему в твоём

теле так много демонической энергии?

Он посмотрел на постепенно появляющийся в глазах Шэнь Мянся страх и спокойно сказал:

— Потому что ты практиковал демонические искусства.

Для духовного практикующего практиковать демонические искусства было непростительным преступлением, равносильным предательству веры, и единственным путем была смерть.

Цзи Чанли сказал:

— Кто в этом мире, кроме меня, может принять тебя? Даже твой самый любимый учитель разве сможет смириться с тем, что ты стал демоном? Знаешь ли ты, что ради тебя я готов взять на себя вечное проклятие, добровольно стать врагом всего мира практикующих? Мне ничего не важно, кроме тебя. Разве я недостаточно хорошо к тебе отношусь? В твоём сердце разве я все еще не могу считаться хорошим человеком?

Шэнь Мянсь крепко сжал губы, до крови прикусив алые губы, и тихо сказал:

— Ты обманываешь меня. Я не верю.

Цзи Чанли сказал:

— Старший брат, ты такой умный, ты должен хорошо понимать, что я говорю правду. Ты просто не хочешь верить.

— Хватит, я не хочу слушать твою ерунду. Если хочешь заставить меня подчиниться, не нужно говорить такую ложь.

Шэнь Мянсь оттолкнул его и хотел уйти, но Цзи Чанли сам притянул его к себе в объятия, нежно, но неоспоримо стянув с него нижнее белье.

— Старший брат, почему ты всегда хочешь убежать? Куда ты сможешь убежать, кроме как от меня? Хотя я раньше причинял тебе боль и даже хотел убить, но сейчас я только хочу хорошо о тебе заботиться.

Шэнь Мянсь стал пинать его ногами, бить кулаками. Цзи Чанли позволил ему пинать и бить, но когда Шэнь Мянсь начал читать заклинание и вызвал длинный меч для атаки, он схватил его за тонкое запястье и забрал острый меч.

— Старший брат, это я научил тебя этой технике. — Голос Цзи Чанли звучал опасным, в нем, казалось, была еще какая-то эмоция, но не очень явная.

Шэнь Мянсь сжал губы и промолчал, опустив ресницы, словно покорившись судьбе.

Цзи Чанли, видя его таким, естественно, больше не церемонился. Его руки скользнули по талии вниз. Две половинки, идеальные, как белые булочки на пару, образовывали прекрасный изгиб. Он не смог удержаться и положил обе руки, сильно сжав. Они были невероятно мягкими, прямо заставляя кровь бурлить.

Цзи Чанли поднял человека, развернул и прижал к краю духовного источника. Шэнь Мянсь лежал на краю бассейна, не зная, что собирается делать мужчина сзади, но вдруг от боли тихо вскрикнул.

Этот человек кусал его ягодицы! Он и сильно сжимал, и кусал, пока снежно-белая кожа не стала розовой, как персик. Только тогда он остановился.

Шэнь Мянью выругался:

— Ты сумасшедший!

Цзи Чанли не мог не рассмеяться. Он приблизился к его уху и хрипло сказал:

— Я правда хочу просто съесть тебя.

Он обнял стройного юношу, снова погрузил его в воду и крепко прижал к себе.

Шэнь Мянью подумал, что он снова задумал какую-то уловку, но внезапно в него снизу втиснулось что-то постороннее. Он не знал, от возбуждения или от физиологического отторжения, но его тело дрожало так, что он не мог вымолвить ни слова, только тяжело дышал.

Цзи Чанли, словно успокаивая, терпеливо целовал его виски, целовал его ресницы, целовал его слегка розовую слезную родинку в уголке глаза, пытаясь успокоить его. Чрезмерно горячая вода духовного источника устремилаь внутрь вместе с пальцами, и нежная плоть внутри от жара сильно сжалась.

В сердце Шэнь Мянью поднялась волна жара. Он слишком долго был «вегетарианцем» и уже потерял сопротивляемость.

Он тихо застонал, лег на плечо Цзи Чанли и, словно раненый детеныш, всхлипнул:

— Ты... ты не можешь...

Цзи Чанли поцеловал его в губы, продолжая настойчиво и властно расширять границы.

Шэнь Мянью подозревал, что Цзи Чанли помнил тот день в Божественном чертоге, когда он и Повелитель демонов разожгли в духовном источнике порочные желания, поэтому специально выбрал это место.

...

Это тело было не впервые, но оно было подобно девичьему. Цзи Чанли знал, что ему было нелегко, поэтому был особенно нежен. Шэнь Мянью действительно получил удовольствие.

В отличие от того раза с Повелителем демонов, когда психологическое давление было слишком велико и было не очень комфортно, телосложение Цзи Чанли, значительно превосходящее обычных людей, но не настолько, чтобы пугать, как раз удовлетворило его.

Цзи Чанли слизал скатившуюся из уголка его глаза физиологическую слезу и меланхолично спросил:

— Ты действительно так меня ненавидишь?

Шэнь Мянью замер. Он никак не мог сказать, что это из-за слишком большого удовольствия, поэтому лишь растерянно произнес:

— Не знаю. Просто... в груди очень некомфортно, словно я совершил ошибку.

Цзи Чанли знал, что это снова из-за того прошлого. Он с трудом подавил ревность и зависть в сердце, нежно обнял его и сказал:

— Ты просто не привык. Не думай о ерунде.

Шэнь Мянью слегка кивнул и тихо сказал:

— Я очень устал. Правда очень устал.

Цзи Чанли, добившись своего, естественно, во всем ему потакал. Он взял Шэнь Мянью на руки и уложил на кровать.

Шэнь Мянью тихо закрыл глаза, но услышал, как Цзи Чанли спрашивает у его уха:

— Старший брат, есть ли еще возможность, что ты полюбишь меня?

Ресницы Шэнь Мянью дрогнули, но в конце концов он не открыл глаза и не ответил ему.

<http://bllate.org/book/15553/1415129>